

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

**Образ автора в романах Генри Филдинга и Вальтера Скотта:
преемственность, сходства и различия подхода**

Научный руководитель – Корнилова Елена Николаевна

Продина Дарья Сергеевна

Выпускник (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия

E-mail: kedrik1999@yandex.ru

История мирового литературного процесса сохранила не один пример преемственности писателей одной эпохи от предшественников из другой, как бы ни сильны были эстетические и философские различия между их направлениями, порой доходя до декларируемой конфронтации. Тем интереснее изучение «исключений», когда авторы из «племени молодого» не просто отдавали должное, но в прямом смысле учились у тех, чьи идеи и объявлялись безнадежно устаревшими или, в лучшем случае, становились объектами иронии.

Исследователи неоднократно замечали в творчестве ярчайшего представителя романтизма Вальтера Скотта следы «наследства» не менее яркого представителя эпохи просвещения Генри Филдинга. От него «шотландский чародей» унаследовал ироничный, в меру грубый юмор, но этим, как и влиянием на обеих фигуры Мигеля Сервантеса, общность между ними не исчерпывалась. На страницах их лучших романов среди действующих лиц обязательно присутствовал и играл свою роль еще один осязаемый образ – образ автора.

Филдинг совершил своего рода переворот в восприятии автора как ключевого участника действия в свое время. Как считается, именно его роман «История покойного Джонатана Уайлда Великого» был первым в английской литературе, написанным от третьего лица. Если Даниэль Дефо и Самюэль Ричардсон стремились к иллюзии документальной реальности через форму мемуарного и эпистолярного романов, что диктовалось эстетикой просвещения, Филдинг, напротив, демонстрировал литературную условность происходящего и себя как единовластного хозяина созданного им мира. Для этого новаторства у него была четко прослеживаемая мотивация.

Главной миссией своего творчества Филдинг видел срывание масок и наглядную демонстрацию истинной подноготной вещей через призму «видимость/сущность». Эффективно осуществить это он мог, только вознеся себя-автора над происходящим, проникая в мысли всех своих героев и зная, как все было и чем все закончится. В этом же подходе он видел путь к максимально возможной объективности. Полного расцвета эта эстетическая система достигла в романе-комической эпопее «История Тома Джонса, найденыша».

Во вступительных главах к каждой из 18 «книг»-частей романа читателей неизменно встречает автор, заводящий беседу о писательском ремесле и предназначении, отношениях с публикой, с критиками, особенностях того, как строится его повествование. Этой отдельной структурной единицей Филдинг пользовался как площадкой для манифестации своих взглядов на литературный процесс. При этом автор не ограничивал себя «беседой в передней» и сопровождал своих героев по ходу всего повествования до финала, неизменно оценивая и комментируя происходящее с ними и зная то, насчет чего сами герои остаются до нужного момента в неведении.

Вальтер Скотт, творивший спустя чуть менее века после Филдинга в эпоху романтизма, был таким же автором-властителем своих историй, но реализовывал этот подход в

своей эстетической манере. Первоначально его романы издавались без указания авторства, скрывая Скотта под маской «Великого Неизвестного». В предисловиях к романам «Шотландской трилогии» он явился в облике визуально безликого любезного рассказчика, дразнящего своей тайной, в дальнейшем его сменили полностью вымышленные, сатирически-колоритные герои-«издатели» якобы обнаруженных случайно чужих рукописей – сельский учитель Клешботам, отставной капитан Клаттербак, собиратель древностей Драйездаст, ведущих переписку с «автором Уэверли» и между собой. Все они с самого начала были «масками» для самого Скотта, созданными с изрядной долей пародийности, что не скрывалось, а напротив, намеренно сквозило между строк, и были призваны «запутать следы» в «игре» с заинтригованной публикой.

Со временем эта форма пародийно-эпистолярной «рамки» эволюционировала в тот же метод художественной манифестации своих творческих воззрений, схожий с филдинговским. И хотя тайна «Великого Неизвестного» была раскрыта, ее «наследие» вместе с самими романами, где «шотландский чародей» также «вселялся» в мысли и рыцаря, и шута, и короля, через них показывая исторические процессы, осталось характерным примером концепции «автор-создатель», реализованной, согласно поэтике своей эпохи, в форме романтической мистификации.

В данном исследовании, преследующем цель изучить родственные связи творческих методов просветителя Генри Филдинга и романтика Вальтера Скотта в отдельных вопросах, опираясь на собственный эмпирический опыт подробного изучения их романов и критических источников, автор исследования проанализировал использование обоими концепции «автор-создатель» и прослеживаемое сходство их подходов к введению образа автора-рассказчика в повествование, не изученное в полной мере ранее исследователями творчества этих классиков мировой литературы.

Источники и литература

- 1) Атарова К.Н. Англия, моя Англия. Эссе и переводы. Сборник, М., 2008.
- 2) Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели, М., 1988.
- 3) Елистратова А.А. Просветительский роман: Дефо. Ричардсон. Филдинг. Смоллет // История всемирной литературы. Том 8, М., 1988
- 4) Малявин П.А. Авторские беседы с читателем в романе Г.Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» // Вестник Университета российской академии образования, №3/2010